

« РУССКАЯ ИДЕЯ» КАК ИДЕЯ ПРАВОСЛАВНАЯ

Стаття присвячена розкриттю православної сутності «Руської ідеї».

Ключові слова: соборність, всеєдність, софійність, ноосфера, «Руська ідея».

Статья посвящена раскрытию православной сущности «Русской идеи».

Ключевые слова: соборность, всеединство, софийность, ноосфера, «Русская идея».

The article is dedicated to the problem of discovery of Orthodoxy essence of “Russian idea”.

Key words: sobranost', vseedinstvo, Softynost', noosfera, «Russian idea».

Постановка проблемы. Процессы глобализации, а иначе говоря - вестернизации, актуализируют необходимость нового исследования религиозно-философского потенциала «Русской идеи». Последняя не сводится к национальной идее самого распространенного этноса России, а есть общая мировоззренческая основа того региона, который Хантингтон называл «православной цивилизацией». Таким образом, «Русская идея» является духовной доминантой всего восточного славянства.

Исследованию данной проблемы посвящены работы таких видных русских мыслителей как Вл. Соловьев, Н.Я. Данилевский, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зеньковский, Г.П. Федотов, Г.В. Флоровский и др. Однако на рубеже XX и XXI ст. произошли глубокие геополитические изменения, вызванные распадом Советского Союза, что вновь обострило внимание к «Русской идее». Свидетельством тому явились вышедшие в 90-е гг. монография В.Н. Сагатовского «Русская идея»: продолжим ли прерванный путь» и сборник статей «Русская идея» и современность». Таким образом, **целью** настоящей статьи является анализ факторов, вызывающих в наше время востребованность «Русской идеи».

В свое время О. Шпенглер, доказывая закат Европы, предполагал в будущем расцвет «русско-сибирской» цивилизации. К сожалению, его прогноз не сбылся. Восточно-славянская цивилизация переживает системный кризис, а западно-американская цивилизация под маской глобализации навязывается всему миру как единственно правильная и самая передавая. Между тем, каждая цивилизация уникальна и имеет право на существование. Зарождение православно-русской цивилизации достаточно хорошо исследовано в работах отечественных мыслителей, таких как Б.А. Рыбаков, В.Н. Дёмин, Д.С. Лихачёв, Л. Н. Гумилёв [6].

«Русская идея» есть самосознание причастности к духовному своеобразию русско-православной цивилизации. Русская философия

истории конца XIX - начала XX в. много и напряженно размышляла о значении и роли православия в развитии русской культуры и государственности. Современный исследователь истории русской философии С.С. Хоружий справедливо полагает: «В случае субъекта российской культуры духовным истоком цельного процесса является Православие во всей совокупности своих сторон: как вера и как Церковь, как учение и как институт, как жизненный и духовный уклад. В итоге существо, смысловое содержание философского процесса в России с необходимостью включает в себя освоение, переработку Православия средствами и в формах философского разума» [15, с. 29].

На протяжении тысячелетия Православие олицетворяло все стороны жизни русского народа. Русская философия в ее религиозном варианте стремилась глубоко осмыслить эсхатологическое значение Православия и России. В свое время В.Л. Соловьев подчеркивал: чтобы понять русскую идею, надо ставить вопрос не о том, что делает Россия для себя, а о том, что она должна сделать во имя христианского начала и во благо всего христианского мира. Аналогичным образом решал эту проблему и Н.А. Бердяев: «Меня будет интересовать не столько вопрос о том, чем эмпирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил Творец о России, умопостигаемый образ русского народа, его идея... Для постижения России нужно применить теологические добродетели веры, надежды и любви» [2, с. 43].

И.А. Ильин, характеризуя историческую миссию православного христианства, дал анализ ее влияния на все стороны жизни русского общества. В статье «Что дало России православное христианство» [7] он убедительно показал, что дух Православия всегда определял глубинные структуры русского национального характера, творческий потенциал русских святых, гениев и героев. Православие сформировало основные принципы нравственности и правосознания, воспитывало в русском человеке дух жертвенности, служения и верности. Православное учение о бессмертии души дало русской армии все источники ее бесстрашного и всепреодолевающего духа. Православная монастырская культура положила начало русской историографии. Русское искусство произошло из православной веры, впитало в себя ее дух – дух сердечного созерцания, свободной искренности и духовной ответственности.

Сейчас Россия и весь восточно-православный регион испытывают мощный натиск, как с Запада, так и с Востока, при попустительстве, а то и при прямой поддержке властных структур. Но «Русская идея» вопреки всему жива. Вещими оказались слова В.Л. Соловьева о том, что «...фальсифицированный продукт, называемый общественным мнением, фабрикуемый и продаваемый по дешевой цене оппортунистической прессой, еще не задушил у нас национальной совести, которая сумеет найти более достоверное выражение для истинной русской идеи» [10, с. 227].

«Русская идея» есть система ценностей, ориентирующая на определенное отношение человека к природе, к обществу и к другому человеку. Существуют три основных типа отношений между человеком и миром: господство человека над миром, т.е. активизм; созерцательное

отношение к миру, т.е. квистеизм; гармоничное соотношение между человеком и миром. Этот последний, т.е. третий тип отношений, зиждется на признании самоценности природы, общества и другого индивида и выражается в идее **соборности**.

«Соборность – этим словом можно предельно кратко выразить сущность Русской идеи, ее неповторимого вклада в сокровищницу мировоззренческих ценностей становления единого человечества» [9, с. 104]. Разумеется, для более полного раскрытия Русской идеи потребуются и другие понятия, но все они вытекают из соборности. Первоначально данная идея была обоснована в рамках религиозной философии А.С. Хомякова и И.В. Киреевского как результат осмысления святоотеческой литературы и православной соборности как фундаментальной ценности восточного христианства. В культуре Запада содержание свободы определяется контекстом самоутверждения, в культуре же России – контекстом соборности. Самоутверждение без высших ценностей, как это четко проявилось в творчестве Штирнера и Ницше, выливается в своеволие, в культ индивидуализма и эгоизма. Бердяев видел выход из этой ситуации в том, что последующее развитие «...преодолеет атомизм новой истории. Этот атомизм преодолевается или ложно-коммунизмом, или истинно-Церковью, соборностью. И коммунизму нельзя уже противопоставлять... гуманистические идеи новой истории, ему можно противопоставлять лишь... подлинную ... соборность» [1, с. 27-28]. Под Церковью здесь мыслитель понимал не социальный институт, а духовное братство людей, объединенных не интересами выгоды, а высшими ценностями.

Соборность зачастую абсолютно безграмотно отождествляется то с тоталитарным единством, то с коллективизмом, то квалифицируется как проявление архаичного сознания. Это говорит о том, что сердцевина русской идеи не вошла в достаточной степени в повседневную жизнь, разделив трагедию недовольства. На Западе же такого термина вообще нет, поэтому он непереводаем. В специальной философской литературе [8] предлагаются и другие определения соборности. Самое краткое из них принадлежит Н.А. Бердяеву: «соборность – это общение в любви» [9, с. 116]. Очевидно, что надо обратиться к первоисточнику, т.е. к православному Символу веры.

В православной традиции термин «соборный» первоначально означал «кафолический», т.е. всеобщий. В 9-м члене «Символа веры» записано: «Верую во единую, святую, апостольскую, соборную Церковь». В православии поэтому доминирующим моментом в понимании соборности стало общее согласие, органическое единство, не отменяющее индивидуальной свободы. Идеал соборности – Троица, все ипостаси которой одновременно и нераздельны (единство) и неслиянны (свобода и уникальность каждой ипостаси), а любовь – общая сущность Бога. В контексте соборности любовь гармонизирует свободу и единство, т.е. индивидуальное и целостное.

Соборность, как свободное единение свободных индивидуальностей, предполагает и внутреннюю цельность такой индивидуальности, ибо без этого невозможно гармоническое

совершенствование себя и мира. Русская философия не только разработала основополагающую категорию соборности как ключевой ценности православно-церковного мировоззрения, но и рассмотрела ее с позиций основные сферы отношений человека с миром. В самом деле, из понимания соборности, как гармонизации, взаимодополнения свободы и единства на основе любви, следует и определенное представление об идеальном состоянии мирового бытия в целом и человеческого сообщества в частности. Таким состоянием является **всеединство** как принцип устройства любого множества. Всеединство есть предельный результат воплощения соборности.

Фундаментальное обоснование категории всеединства было дано в работах В.Л. Соловьева, особенно в его труде «Чтения о богочеловечестве». Бог есть сущее всеединство, мир – становящееся всеединство. Смысл развития природного мира и общества – воплощение в нем того всеединства, которое вечно есть в Боге. Поэтому «...постепенная реализация идеального всеединства составляет смысл и цель мирового процесса» [10, с. 134]. Служа становлению мирового единства как процесса обожения мира и имея при этом вечный божественный прообраз, человек и человечество, по мнению В.Л. Соловьева, становятся в пределе богочеловеком и богочеловечеством. «Если в нравственной области (для воли) всеединство есть абсолютное благо, если в области познавательной (для ума) оно есть абсолютная истина, то осуществленное всеединство внешней деятельности есть реализация или воплощение в области чувствуемого материального бытия, есть абсолютная красота» [там же, с. 335]. Таким образом, в добре, истине и красоте – этих классических общечеловеческих ценностях – проявляется становящееся всеединство в жизнедеятельности человека. Очевидно, что источником такой благодатной триады может быть только Бог; именно он, с точки зрения религиозных мыслителей, и задает целостность, т.е. всеединство мира. Есть и иные концепции всеединства, например, в работе С. Булгакова «Русская трагедия» [3]. Но при любом истолковании всеединства оно предстает как идеальное состояние мира и человека, достигаемое на основе соборности.

Начало, посредствующее между Богом и миром, в трудах В.Л. Соловьева и С. Булгакова получило название Софии – Премудрости Божьей. Как следует из их работ, особенно таких как «Чтение о богочеловечестве» В. Соловьева и «Философия хозяйства» С. Булгакова, - София представляет собой двуединое начало. Это душа человечества, выполняющего свое космическое предназначение – становление всеединства, т.е. такая душа, в которой отражен предвечный замысел духа- его вечное всеединство. Человечество, преобразующее мир, но не только ради удовлетворения своих потребностей и своего самоутверждения, а во имя Бога, т.е. во имя гармонизации раздробленного мира – вот в чем, по их мнению, смысл соборности.

В свете сказанного необходимо предостеречь от некорректного смешения соборности с коллективизмом, а софийности с гуманизмом. Гуманизм ставит во главу угла совокупного человека,

преобразующего мир во имя человека. Софийность предполагает, что человечество только тогда - душа мира, когда оно служит совершенствованию этого мира. Человек при этом совершенствуется вместе с совершенствованием бытия. Не просто возвышение потребностей человека, но и возвышение природы. В хозяйственной деятельности, как пишет С. Булгаков, если она носит софийный характер, должно быть стремление «...превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело, с его органической целесообразностью» [4, с. 39]. Он говорит о двух направлениях в понимании хозяйства: христианском и богоборческом. Соблазн богоборческого выбора в самом человеке и это самое страшное препятствие на пути к софийности.

С. Булгаков постоянно подчеркивал, что в человеке и через человека природа софийна, что софийность есть обожение мира, которая в конечном счете может привести к тому, что «...злой огонь самости погаснет, схваченный пламенем мировой любви» [там же, с. 174]. Но пока современная цивилизация находится во власти богоборческого соблазна, как в тоталитарной, так и в либеральной форме. «Трижды преступна хищническая цивилизация, - писал Павел Флоренский, - не ведающая ни жалости, ни любви к твари, но ищущая от твари лишь своей корысти, движимая желанием не помочь природе проявить скрытую в ней культуру, но навязывающая насильственно и условно внешние формы и внешние цели» [13, с. 234].

Религиозные мыслители видят спасение в религии. С этим нельзя не согласиться, если принять то понимание религии, что имеет место у Сергея Булгакова. В религии «...высший смысл и высшее начало мира... становится святыней сердца». Религия – это «...живое чувство связи этого конечного и ограниченного «я» с бесконечным и высшим, расширение нашего чувства в бесконечность в стремлении к не достигаемому совершенству» [4, с. 265]. Только можно приветствовать такое восприятие бытия. Между тем институционные (по выражению Бердяева) религии требуют веры не в данное внутри нашей души присутствие духовного начала мира, но веры в антропоморфное существо, в то же время обладающее сверхчеловеческими и вообще сверхприродными возможностями и находящееся вне мира.

Ведь с позиции всеединства надо видеть в мире внутренне присущее ему соборное начало, противостоящее «злой самости», т. е. деструктивным тенденциям. Как показывает синергетика, и в неживой природе второе начало термодинамики, выражающее тенденцию к возрастанию энтропии, не является единственным. «Злому огню самости» в неживой природе противостоит внутренняя тенденция к цельности систем, порождающая «порядок из хаоса». Такие системы И. Пригожин назвал диссипативными. Как блестяще показал Тейяр де Шарден, на любом уровне бытия есть, наряду с внешними связями, начало идеальное как «сокровенное внутреннее вещей». Согласно его концепции, в самой основе мира заложены две тенденции: «В каждом элементе-частице...фундаментальная энергия делится на две составляющие: **тангенциальную** энергию, которая связывает данный

элемент со всеми другими элементами того же порядка... и **радиальную** энергию, которая влечет его в направлении все более сложного и внутренне сосредоточенного состояния» [16, с. 58]. Борьба эгоизма и альтруизма в живой природе уже очевидна, а в человеке – воля к любви или воля к власти – тем более. Тем и велика философия всеединства В.Л. Соловьева, что в ней подмечена внутренняя тенденция самого мира к гармонизации.

Порой агрессивный эгоизм и индивидуализм оправдывают правом индивида на творчество. Как уже отмечалось, творчество есть в самом мире, без него невозможен был бы «порядок из хаоса». Тем более оно сопутствует человеку. И если оно совпадает с соборно направленным творчеством в самом мире, человеческая душа становится Софией, а деятельность человека – софийной. А если нет? Тогда, по меткому выражению Сергея Булгакова, такое человеческое творчество становится «сатанизмом» [4, с. 115]. Почему? Потому что претензия на абсолютное творчество, без «почтительности к бытию», для самореализации – оно действительно служит лишь злу. В.Л. Соловьев справедливо замечал в «Чтениях о богочеловечестве», что для индивидуального существа «...зло есть напряженное состояние его воли, утверждающей исключительно себя и отрицающей все другое» [11, с. 123]. Ибо творчество должно быть сотворчеством, которое вдохновляется силой любви, а не только личными амбициями.

«Софийность, таким образом, предполагает встречное движение и соразвитие мудрости, заложенной в собственных тенденциях бытия, и мудрости человека. Она противостоит как «сатанинской» претензии игнорировать мудрость Другого и Целого, так и полному подчинению внешней мудрости, независимо от ее ранга. Подобно тому, как соборность есть гармонизация (взаимодополнение) свободы и единства; всеединство – многого и единого, софийность есть такое же взаимодополнение их внутренних тенденций творческого развития» [9, с. 139-140].

Соборность дает общий принцип отношения к жизни; Всеединство – идеал, Софийность – соотношение сил, обеспечивающих движение к идеалу. В понятии Общего Дела Всеединство и Софийность прилагаются к определенной программе деятельности, в которой высвечивается сам характер человеческой деятельности в этом мире.

Термин «Общее Дело» принадлежит оригинальному русскому мыслителю Н.Ф. Федорову, но конкретный вариант Общего Дела, предложенный им (воскрешение всех умерших отцов) – не исчерпывает содержания этого понятия. В нем нет ничего деляческого; напротив, смысл, высшая ценность и деятельность слиты в единое целое. «Искание смысла есть искание... общего дела» [12, с. 197]. Поскольку же общий смысл задается соборностью, всеединством и софийностью, то Общее Дело объединяет людей, в конечном счете, не путем «общественного договора», а на основе любви. Иными словами, Общее Дело имеет духовный смысл и объединяет людей духовной связью.

Н.Ф. Фёдоров для характеристики Общего Дела употреблял термин «Внехрамовая Литургия». Этим он хотел подчеркнуть, что в нем

люди причащаются к высшему смыслу мирового процесса. И поэтому литургия выходит за пределы храма, становится внехрамовой, а мир в русле такой деятельности становится Храмом. В Общем Деле, таким образом, человек одухотворяет мир и самого себя.

В наше время движение к Ноосфере – вот реальное Общее Дело, способное спасти мир. «Ноосфера есть такое взаимодействие природы, общества и человеческих индивидуальностей, в котором на основе духовной жизни человека и космоса достигается оптимальная реализация внутренних тенденций сторон взаимодействия, их коэволюционное развитие направленное на становление целостности космоса, и развивающаяся гармония этой целостности» [9, с. 150].

Русская идея связывает в единый узел внутренние и внешние способы регуляции человеческих отношений, выделяя в качестве приоритетных внутренние, т.е. нравственно-религиозные. Большинство оригинальных русских мыслителей, таких как И.А. Ильин, С.Л. Франк, Б.П. Вышеславцев не противопоставляли внешнее (политико-юридические институты) внутреннему (культура, мораль, религия) и выработали оптимальное решение проблемы. Суть ее – во **взаимной дополнительности** внешнего и внутреннего уровней регуляции человеческих отношений с признанием **решающей** роли нравственно-религиозного уровня.

Б.П. Вышеславцев доказывал необходимость силы, политики, права, но на службе высоких идей и внутренней общности [5]. Предельно четко решал этот вопрос С.Л. Франк. Он говорил о наличии двух слоев в жизни общества: соборности и внешней общественности. То и другое необходимо, весь вопрос в их удельном весе в жизни общества. На Западе преобладает внешняя общественность в ущерб соборности. Русская же идея исходит из примата соборности. По мнению С.Л. Франка, соборность обладает четырьмя основными свойствами:

- 1) она свободно определяет характер человеческого поведения;
- 2) является собственным содержанием внутренней жизни личности, без которого нет богатства и полноты жизни;
- 3) признает индивидуальность, т.е. неповторимость и самоценность не только личности, но и целого;
- 4) является сверхвременным, предзаданным единством [14, с. 60-63].

Таким образом «внешняя общественность», т.е. власть и право – это организация внешнего единства. Естественно, она должна быть узаконена внутренним и служить ему, т.е. служить нравственным и религиозным ценностям. Иначе формальная демократия, построенная на «общественном договоре», рано или поздно вырождается в гоббсовское государство – Левиафан. Однако и неразвитость уровня внешнего единства, т.е. государства и права, тоже чревата тоталитаризмом, что хорошо известно из нашей собственной истории.

Русская идея дает Ответ на Вызов современности, который бросают выживанию человечества глобальные проблемы. Суть Вызова заключается в радикальной мировоззренческой переориентации, в ходе

которой свершилась бы встреча ключевых ценностей Востока и Запада как моментов целостного нового мировоззрения. И этому творческому синтезу могла бы послужить Русская идея, ибо она есть мировоззрение антропокосмическое по своим основаниям, ноосферное по своей устремленности и православно-христианское по приемственности духовных традиций. **Антропокосмизм** говорит о единстве человека и космоса, рассматривает человека не как центр мира, а как его органическую часть, ответственную за становление мирового единства. Ноосфера есть такое состояние становящегося мирового единства, в котором взаимодействие всех уровней бытия достигается опять-таки с ответственным участием человеческой деятельности. Православие наиболее последовательно проводит христианские идеи любви и соборности в противовес вражде и разобщенности.

В основе Русской идеи как мировоззрения, стало быть, лежит следующая цепочка ключевых ценностей: Соборность – Всеединство – Софийность – Общее Дело – Ноосфера. Соборность конкретизируется во всеединстве и софийности, а вместе все они обосновывают идеал Общего Дела. В соборности взаимодополняют друг друга ценности свободы (Запад) и единства (Восток). Во Всеединстве преодолеваются крайности индивидуализма и тоталитаризма, а по отношению к другим культурам всеединство проявляется как всечеловечность, открытость иному. Софийность характеризует путь достижения всеединства через взаимодополнение внутренних тенденций мира и соборности. Здесь преодолевается абсолютизация трансценденции, т.е. забвение себя в мире, и абсолютизация экзистенции, т.е. навязывание миру своих проектов бытия. В Общем Деле устраняется конфликт между пассивной созерцательностью, чисто духовным отношением к жизни, и голым прагматизмом, лишенным духовных забот и интенций.

Выводы: Таким образом, Русская идея представляет определенную мировоззренческую установку, дает доминанту духовно-практического отношения к миру с позиций соборного идеала мироустройства, общества и человеческой деятельности. В качестве завершающего аккорда статьи приведем высказывание Ивана Ильина из его работы «О русской идее»: «Русская идея, - писал И. Ильин,- есть идея сердца. Идея созерцающего сердца, сердца, созерцающего свободно и предметно и передающего свое видение воле для действия и мысли, для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры» [8, с. 436].

Исторически русская идея возникла как творческий синтез лучших идей Нового Завета (православия), здорового языческого начала русской души, ощущающей жизнь по принципу «всё во мне и я во всём» и антропокосмических тенденций современной науки. И по генезису, и по направленности, и по значению она не есть нечто узконациональное, тем более националистическое («шовинистическое»),

«великодержавное»), но обладает всечеловеческим характером. Эта идея необходима и для всего человечества, ищущего выход из тупика, куда завела его индустриальная и постиндустриальная цивилизация Запада, выдающая себя за воплощение общечеловеческих ценностей... [9, с. 166].

Использованная литература

1. *Бердяев, Н.А.* Новое средневековье / Н.А. Бердяев - М., 1991.
2. *Бердяев, Н.А.* Русская идея / Н.А. Бердяев // О России и русской философской культуре. - М., 1990. – С. 43.
3. *Булгаков, С.Н.* Русская трагедия / С.Н. Булгаков // О Достоевском. - М., 1990.
4. *Булгаков, С.Н.* Философия хозяйства / С.Н. Булгаков. - М., 1991.
5. *Вышеславцев, Б.П.* Кризис индустриальной культуры / Б.П. Вышеславцев. - Нью-Йорк. 1982.
6. *Гумилёв, Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1989; Дёмин В.Н. Гиперборея. Исторические корни русского народа. М., 2003.
7. *Ильин, И.А.* Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 1. - М., 1993.
8. Русская идея и современность: сборник статей. - М., 1992.
9. *Сагатовский, В.Н.* Русская идея: продолжим ли прерванный путь? / В.Н. Сагатовский. - СПб.: Петрополис, 1994.
10. *Соловьев, В.С.* Сочинения: в 2 т. - т. 2. - М., 1988.
11. *Соловьев, В.С.* Чтения о богочеловечестве / В.С. Соловьев // Сочинения в 2-х т. – Т. 2. - М., 1989.
12. *Федоров, Н.Ф.* Сочинения / Н.Ф. Федоров. - М., 1982.
13. *Флоренский, П.А.* Микрокосм и макрокосм // Русский космизм. Антология философской мысли / П.А. Флоренский. - М., 1993.
14. *Франк, С.Л.* Духовные основы общества / С.Л. Франк. - М., 1992.
15. *Хоружий, С.С.* Философский процесс в России как встреча философии и православия / С.С. Хоружий // Вопросы философии. – 1991. - № 5. – С. 26-37.
16. *Шарден, П. Тейяр де.* Феномен человека / П. Тейяр де Шарден. - М., 1987.

Статья поступила в редакцию 10.10.2012 г.